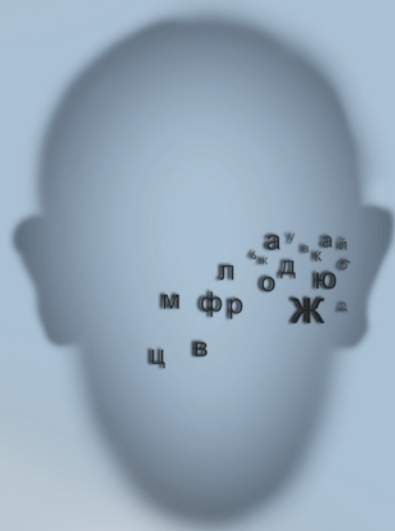


Елена Литвинцева

# БЕЛЫЙ ШУМ

КНИГА СТИХОВ





### *Вместо вступления*

*Первые книги стихов традиционно открываются вступлениями, в которых по пунктам расписаны: праздник предстоящей встречи с поэтом, список предтеч, наличие «собственного голоса» и «собственного взгляда на мир», примеры взгляда и голоса.*

*Всё это можно узнать из стихов. Главное — кому стоит и кому не стоит читать эту книгу. Чтоб не разочаровываться, скажу сразу:*

*если вы не воспитаны на викторианской поэзии и не пропитаны викторианской моралью,*

*если не смотрите на сочинение стихов как на вклад в мировую культуру,*

*если не повзрослели к 25 годам и не состарились к 30,*

*если не утратили способность к мелкому и сверхмелкому хулиганству,*

*если сердце ваше распахнуто для любви,*

*эта книга — для вас.*

*Александр Щедрецов*

\* \* \*

Любви летящая звезда  
Ударит по коленке.  
Я так люблю тебя, когда  
Ты спишь зубами к стенке.

Занятно жить, когда идёшь  
По краешку обрыва,  
Пойдём со мной – и ты поймёшь,  
Как просто быть счастливым.

Пускай порхает вдалеке  
Твоя земля большая.  
Тому, кто спит на потолке,  
Она не помешает.

Когда ж звезда разрежет тьму  
И вдарит по коленке,  
Пускай приснится сон тому,  
Кто спит зубами к стенке.

Тебе приснятся в тот момент  
Обвал, ущелье, стены  
И хулиганский элемент  
По имени ЕЛЕНА.

\* \* \*

Где ты, любимый?  
Куда же ты выехал?  
Не оставляй, позови!  
Каждый окрестный  
И хахаль, и выхухоль  
Хочет моей головы.

Тянутся руки,  
Глаза озираются,  
Всяка разинута пасть.  
Разная бестолочь  
Ждёт, подбирается,  
Сердце мечтая украсть.

Как бы меня  
Эта жизнь не замучила,  
Двери скорей отвори.  
Каждый вампир,  
Безобразное чучело,  
Жаждет горячей струи.

Скроемся, друг, под водою,  
Спокойненько  
Там пролежим до зари.  
Чтоб не подумали,  
Что мы покойники,  
Будем пускать пузыри.

\* \* \*

Расплескаюсь, как река,  
Хулиганить кинусь,  
Улетит за облака  
Разведённый примус.

Закопаю у столбов  
Желудей несвежих,  
На одном из тех дубов  
Подрастёт – повешусь.

\* \* \*

Когда мы прилетим в Австралию с тобою,  
Я брошусь на тебя сквозь тыщу кенгуру.  
Мне верится, что там есть небо голубое.  
Увижу и умру, увижу и умру.  
А будет это так недолго и не страшно,  
Как будто в глубине твоих весенних глаз.  
Как будто я люблю. Люблю тебя отважно.  
Вот так же как сейчас, вот так же как сейчас.  
Сейчас, да не сей час. Когда ещё настанет  
Такая благодать? Увижу ли предел,  
Когда моя звезда звездить меня устанет? –  
Всё так, как ты хотел, всё так, как ты хотел!  
Не будет ничего, что ранее томило  
Тебя или меня, не будет ничего.  
Я больше никого как будто не любила,  
Как будто никого, как будто никого...

\* \* \*

Надорвалась природа, по небу снуют водолеи,  
Это небо хотят расплескать, по стаканам разлить.  
Кот хабарики лапой гоняет по мокрой аллее.  
Я уже никого не сумею ничем наделить.

Надо мною когда-то кружили блаженные змеи -  
Превращённые люди – бойцы – огневое нутро.  
Я уже никого ни во что превратить не сумею,  
Расколосось внутри у меня колдовское ядро.

Помнишь, дяденька, – плавали раньше? Бывало, тонули,  
Воскресали и снова тонули. И снова везло.  
А теперь и не знаю, до тёплой земли дотяну ли,  
Унесло штормовую волной рулевое весло.

Ах, какая лошадка была, мы её заряжали  
На большие бега. Разбивали копытами льды.  
На невидимом пульте неверную кнопку нажали –  
Я в футляре храню волосинку с твоей бороды.

Вопрошаю теперь – каково тебе в том незнакомье?  
Иль куда тебя там... Но ни бликом, ни точкой-тире  
Не вернётся оттуда ответный вопрос – каково мне  
Иссякать с порастраченным сердцем в сыром декабре?

\* \* \*

Я люблю Вас, и это похоже на белый шум,  
Непонятной формы сигнал, поступивший заранее.  
Я не знаю, чего ещё мне придёт на ум  
Для того, чтобы описать моё состояние.  
Я люблю Вас, и никому уже никогда  
Не услышать подобных слов, от меня тем более.  
И не менее, чем я думаю иногда:  
Это пред- или пост- любовная меланхолия?  
Это всё, и не надо думать, что я шучу.  
Шутки кончились поза... — позавчера в воскресенье,  
И теперь серьёзно Вашим рукам вручу  
И терпение, и нетерпенье, и потрясение.  
Потрясём судьбу, а то не дождёшься век  
От неё давно желанной любовной линии.  
Исчезающий, незатейливый Человек,  
Я люблю Вас так, как ветки сверкают в инее  
Серебром небесным, прочей иной туптой,  
И такой родной, что, проще сказать, намученной, —  
Той наивной, детской, честное слово, — той.  
То ли долг старинный, то ли аванс полученный.



\* \* \*

Одуванчики воздушные  
С головами-парашютами,  
Яркость глупую отжившие,  
Перезрелые, прозрачные.

Возникает дуновение –  
Отрываются десантники.  
Вмиг причудливые головы  
Закачавшиеся – лысые.

Что ты дёргаешься, милая?  
Ты любая – настоящая.  
Не пугайся ветра, зеркала,  
Седины и стука ходиков...

\* \* \*

Я часто падаю на старте  
И отвечаю невпопад.  
Я разум потеряла в марте  
Двенадцать месяцев назад.

Нераспустившаяся ива  
«Остановись!» – шептала вслед.  
За то, что я была счастливой,  
Благодарю весь белый свет.

Едва дыша, жива едва ли,  
Вдруг поняла, что нет преград,  
Ведь имя мне другое дали  
Двенадцать месяцев назад.

А ты, над крышами летая,  
Явившись, будто бы во сне,  
Когда последний снег растает,  
Едва ли вспомнишь обо мне.

И нет путей-дорог на карте,  
И каждый день ушедший свят.  
Я разум потеряла в марте,  
Двенадцать месяцев назад.

\* \* \*

Может, это сквозняк,  
А не дрожь моих век,  
Только пламя свечи задрожало в глазах.  
Уходить просто так  
Не хотелось вовек.  
Я осталась стоять, растворяясь в слезах.

Этот стон, этот плач  
Пусть несётся окрест,  
Оглашая бездонную чашу небес.  
Сквозь огонь неудач  
Пронесу этот крест,  
Если станет хоть чуточку легче тебе.

Может, каменный снег  
Будет таять во рту.  
Может, это пустяк, но я видела смерть.  
Выпью чашу за тех,  
Кто стоит на мосту,  
Кто не может упасть и не может взлететь.

\* \* \*

Какой-то бац, какой-то бум,  
Летает разум вдалеке.  
Остывший пепел. Ветра шум.  
Сандаль дырявый на песке.

А может, стук, а может, в дверь.  
А может, вовсе не туда.  
А может, глюк, а может, зверь  
Иль злая щука из пруда.

Писать охота манифест,  
А в голове электросвист,  
И сам не знаешь, кто ты есть:  
А может, пас, а может, вист.

Какой-то свет и чья-то тень  
Под монотонный скрип пера.  
А где-то ночь, а где-то день  
И бесконечная гора.

А за горой – прошедший век,  
А там, где синевеет даль,  
Смотрел на звёзды человек  
И пепел стряхивал в сандаль...

\* \* \*

Заметает пурга мой приют вдалеке,  
Прочит в вечных снегах утонуть.  
Не луна, не звезда, а фонарик в руке  
Освещает сегодня мой путь.

Ты в берлоге своей, как уснувший медведь,  
Ждёшь весны. Что мне делать с тобой?  
Погляди на меня. Я устала смотреть  
На твою беспросветную боль.

Заколдованный круг, непонятный уму,  
Нарисован на нашей судьбе.  
Та, что раньше с тобой изменяла ему,  
Так же просто изменит тебе.

Ты куда заспешил? В этот сумрачный час  
Отменяется новый полёт.  
Посмотри в небеса: наше счастье – без нас  
Улетающий вдаль самолёт.

\* \* \*

Всё стало для меня каким-то левым,  
Играю в непонятную игру.  
Сплошная осень. Не растёт у дома клевер,  
И уши замерзают на ветру.  
Пришел трамвай – 13-й, уж точно.  
Куда я еду? Кто бы подсказал?  
Быть может, мне в сберкассу надо срочно,  
А может, на какой-нибудь вокзал.  
А может, ждёт меня солидный дядя  
С огромным свёртком где-то у Невы  
И обменяет мне его, не глядя,  
На призрак похороненной любви.  
Мелькают фиолетовые лица  
И огоньки пылающих свечей.  
Я вновь и вновь переступлю границы  
И каждый раз не буду знать зачем.  
В окошке неродная занавеска...  
В какие занесло меня края?  
А голова болит, болит до треска,  
Но кто докажет, что она моя?  
Сплошная осень. Солнце закатилось  
Куда-то далеко за горизонт.  
Быть может, я в кого-нибудь влюбилась?  
Ну, ничего, поем – и всё пройдёт.  
Не жди меня домой сегодня, мама,  
Вопросы очень сложные встают.  
Я донесу рюкзак до Амстердама  
Тому, кто вспомнит, как меня зовут.  
По осени коровы съели клевер,  
Уж без тоски в окошко не смотрю.  
Всё стало для меня каким-то левым,  
И уши замерзают на ветру.

\* \* \*

Тридцать первое число. Тридцать первое!  
И последнее оно в жизни месяца.  
Закрутило. Занесло. Что за стерва я?  
Кто не влюбится в меня, тот повесится.

Тот, кто влюбится потом, тот удавится.  
Кто не влюбится совсем, тот застрелится.  
Ну, а если что кому не понравится,  
Тридцать первого числа всё изменится.

Тридцать первое число. Тридцать первое.  
А за ним уже опять что-то новое.  
И никто не виноват в том, что стерва я  
И любовь моя как гиря пудовая.

Жизнь что улица – шагами измерена.  
Убежит – и ничего не останется.  
Всё меняется, и я не уверена  
В том, что после четверга будет пятница.

\* \* \*

Почему бывает худо,  
Если всё, по правде, в кайф?  
Где-то ходят два верблюда,  
Но один из них – жираф.

Где-то ходят два слонёнка  
И гоняют облака.  
Я похожа на ребёнка,  
Но с душою старика.

Закипел пузатый чайник  
И от горя почернел.  
А души моей начальник  
В поднебесье улетел.



\* \* \*

Была я птеродактилем,  
Теперь я стала физиком,  
А завтра стану шизиком  
И поплыву на катере.  
Я уплыву на катере  
Туда, где зайцы плещутся,  
Порхают чьи-то тапочки,  
Летают злые бабочки  
И друг о друга чешутся –  
У них ведь нету катера.  
Лесами да болотами  
Уйду бродить я до ночи  
Над голубыми водами.  
Каких бы сил ни стоило,  
Замёрзшая, усталая,  
В единый миг сломала я  
Всё то, что долго строила.  
Я уплыву на катере  
Туда, где зайцы лысые  
Плывут за дохлой крысою,  
Как за родимой матерью.  
Но им не долго вкалывать,  
Тоска стянула нитями.  
Ко дну прилипнут, видимо, –  
К утру отлипнут, стало быть.  
За берегами милыми  
Лишь только сны глубокие,  
И мысли кособокие  
Грызутся крокодилами.  
Смеются птеродактили,  
Как зайцы отключаются.  
Туда, где всё случается,  
Я уплыву на катере...

\* \* \*

На странице из повести  
На дороге нетореной  
Я обиды и горести  
Закушу помидориной.  
Глянет небо с опаскою,  
Как я боль свою праздную,  
Заедая колбаскою  
Эту жизнь несуразную.

\* \* \*

Может лопнуть мелкий шарик  
И большой воздушный шар.  
Бросишь в дырочку хабарик,  
И получится пожар.

Ты не смейся понапрасну  
И глазами не искри.  
Знай, что я взрывоопасна,  
Берегись! – а то, смотри,

Возгорюсь, навеки сгину!  
Так что, Боже упаси,  
Ты к души моей бензину  
Спичку, друг, не подноси.

\* \* \*

Я бежала по асфальту  
Без ботинок, без носков.  
Ни на север, ни на Мальту,  
Ни в посёлок, ни в лесок.

Я бежала по иголкам,  
По гвоздям и по камням,  
По метёлкам, соснам, ёлкам  
И наточенным граблям.

Я дорог не замечала,  
Ног не видела в крови.  
Ведь тебя я повстречала  
В бездорожии любви.

\* \* \*

Звонок. Взведённое авто.  
Стремянка. Темень. Суета.  
О если бы не ты, то кто  
Помчал в ночи спасать кота?

Переполох. Тревога. Стресс.  
Оплот родительских седин  
На дерево со страха влез,  
Собакой пуганный, один.

– Зацепок нету! Петлю кинь!  
(Утробной дрожью кот урчал.)  
– Держи, страхуй, вяжи булинь, -  
Ты сверху яростно кричал.

Пот лился с бледного лица,  
Достал до веток наконец.  
Брат с одеялом ждал конца,  
Светил фонариком отец.

Вот кот оторван от ствола,  
Когтями впился в грудь притом.  
Восторженно прияла мгла  
Твой дюльфер пополам с котом!

Спасён изъятый с высоты  
Любимец. Папа взял ноль-пять.  
...Лишь Родина таких, как ты,  
Не ценит инженеров, .....!

\* \* \*

Сегодня гололёд, а завтра будет слякоть,  
И снова гололёд, и снова тает снег.  
И снова нету слёз, когда пора заплакать.  
По взлётной полосе нет сил начать разбег.

Из дома выхожу – со мною было это.  
Бегущий мимо кот всё так же полосат.  
И точно так же я тогда была одета,  
В таком же феврале, но много лет назад.

Такую же тоску швыряла я в прохожих,  
Такую же любовь – в пучину облаков.  
В такой же день и час искала я похожих  
Немного на себя и рвалась из оков.

Хотелось мне того, что есть сейчас со мною,  
Теперь – наоборот. Темнеют небеса,  
Смеются надо мной за каждую стеною  
Назойливых чертей дурные голоса.

Природа шепчет мне неярко и неброско:  
– Пора бы уж тебе не бегать далеко,  
Смотреть судьбе в глаза, как мальчику-подростку,  
Чуть-чуть со стороны, спокойно и легко.

\* \* \*

Осень за домом мокрая,  
Осень да небеса...  
Мы же, как лисы чуткие,  
Слушали листья, веточки,  
Чуяли в сонном воздухе  
Таинство несказанное,  
Кверху кидали сложенных  
Фантиковых гусей.

.....  
.....

В те уж года бумаге я  
Свой доверяла вкус.  
Видимо, знала магию  
Древнего слова «гусь».  
Гуси, они же лебеди,  
«Утка и два гуся»,  
Взмоют к туманной неведи,  
Сердце твоё неся.  
Серых и белых россыпей  
Вечером дух сильней.  
Южноуральских особей  
Наши с тобой крупней –  
Те, что из детской осени  
В песне о гусаке  
Взмыли с разбегу по земли  
В край на Исеть-реке!

\* \* \*

Я в джунгли входила, как будто в туман у Невы.  
С такой же тяжёлой в душе безымянной тревогой,  
Такая же сырость, и сумрак, и сонные львы,  
Но тут из ветвей подмигнуло громадное око.  
Быть может, виденье? Шипы ядовитые злы,  
Дурманят рассудок и взор мне уже отравили,  
Но тело большое вспорхнуло, прогнулись стволы.  
Так это ж прекрасная птица – удог Баскервилей!

Товарищ крылатый, за встречу пропой обо мне,  
Не милы мне нынче со смертью нечестные игры,  
Я знаю, что песня твоя прозвучит в вышине  
И спрячут подальше клыки крокодилы и тигры.

Скорее от жизни, в которой никто не забыт,  
Уйти бы и в диком краю отдохнуть мало-мальски.  
Вдруг вижу кострище, топор и следы от копыт,  
Славянские буквы «здесь был я» и подпись – «Пржевальский».  
Куда же он лошадь свою, бедолага, припёр?  
Недолго хорошему зверю испортить породу.  
Но, видно, напился с устатку, забросил топор,  
Искал, но ушёл, не найдя дорогого удода.  
Тут дикие звери помчались, и страха волна  
Гнала их к ближайшей воде поскорей утопиться,  
Противнейшим клёкотом залило джунгли сполна.  
Спасибо за дивную песню, прекрасная птица.

Товарищ крылатый, нам, видно, с тобой по пути,  
О душах пропавших слезы не прольём крокодилей.  
Пржевальского к чёрту, но лошадь его отпусти,  
Самим пригодится, прекрасный удог Баскервилей.

Мы вышли из джунглей, и радостей было не счесть.  
Счастливая лошадь влачила уставшие ноги,  
Порода, конечно, пропала, повылезла шерсть,  
Но голая шкура явила эффект осьминога.  
На ней отражалась дорога, плетенье травы,  
И даже своё увидала на шкуре лицо я.  
Зелёное небо коснулось её головы  
И тут же, заржав, побежало на север трусцою.

Лети ж, мой крылатый товарищ в безумной судьбе,  
Ведь шуточки с жизнью похлеще, чем игры со смертью.  
Я здесь, и, когда я ответно пою о тебе,  
Спешат захлебнуться в Неве петербургские черти.

Лети, мой крылатый, до жаркого солнца лети.  
Неслышные яды горячую кровь отравили,  
Но наши сердца простучат от других взаперти,  
Единственный друг мой, прекрасный удог Баскервилей!



\* \* \*

Про пустяк, про песок в пятерне  
Песню тихую шепчешь, Создатель.  
Видишь, сын мой плывёт на спине,  
Сам себя на воде открыватель.  
То боится, что дна не достать,  
То забудет о дне и о страхе...  
Так однажды душевную гладь  
Растревожат глубокие взмахи.  
Вспыхнет мир – на волны гребешке  
Ярких зайчиков новый десяток!  
А пока на горячем песке  
Исчезают воронки от пяток,  
В сонном небе плывёт на спине  
Конь крылатый и в точности знает:  
То, что нынче мелькнёт в тишине,  
Без следа не растает.

\* \* \*

Меняется обманчивая осень,  
Как переливы в мыльном пузыре.  
Мы с Вилли ни о чём её не просим,  
Мы с Вилли отдыхаем в октябре.

Мы, якорей житейских растеряхи,  
Становимся забавными вдвоём,  
Как будто валаамские монахи  
Малиновых «газелей» за рулём.

А храм наш перевёрнут вверх ногами  
В зеркальном отражении небес.  
Мы любим ганксторэп и оригами,  
А также математику и лес.

Но осенью свершается иная  
Любовь, и, удивлённые сперва,  
Мы расцветаем, сердцем принимая  
Своих молитв обратные слова.

\* \* \*

На сердце новая нагрузка,  
Спустившаяся благодать,  
Легла не широко, не узко –  
Как надо, как не передать.

То не заслуга, не награда,  
Любимый, слушай и пойми –  
То есть простое наше НАДО,  
Как А, Бэ, Вэ, Гэ, До, Ре, Ми.

Большие камешки убрали,  
В ручье, как музыка, вода.  
Слепа она, глупа, мудра ли? –  
Течёт и чувствует куда.

И точно так же ищет нежность  
Свой путь во мрак другой души.  
Прости. Прими как неизбежность  
Моё присутствие в тиши.

\* \* \*

Уж корюшка пошла от северных морей,  
Черёмуха цветёт – пока теплей не станет.  
Звони мне иногда, известиями грей,  
Что жив ты и здоров, хоть безнадёжно занят.

Как горько понимать, что занятость твоя –  
Не занятость, а лишь удобная личина.  
Какая может быть средь краха бытия  
Любви не удержать весомая причина?

Но слить в единый вихрь я, видимо, смогу  
Шальные в голове и северные ветры.  
Я в память о тебе под вечер пробегу  
На старом пустыре сырые километры.

Я в память о тебе и мысли, и стишки  
В порядок приведу, густую пыль повыбью,  
И корюшки куплю, и, выдернув кишки,  
Я съем саму весну, вдыхая душу рыбью.

Спасибо, дорогой, за то, что понесло  
Меня теченье вверх, за то, что сумрак редок.  
Черёмуха цветет – желание светло  
Нечётное число сорвать душистых веток!

\* \* \*

О будущем дрожало веко.  
Предвиденье ли, чепуха?  
Я представляла человека  
По нескольким строкам стиха.

Сквозь ирреальные зазоры  
В его словах мятежный дух  
В мои открывшиеся поры  
Вошёл судьбой одной из двух.

Пасла звезду сторожевую,  
Гнала предчувствия во тьму  
До той поры, когда вживую  
Сказала «Здравствуйте» ему.

И поднялась тогда цунами  
Из пустоты в густейшей мгле.  
Так подшутил Господь над нами,  
Так не бывает на Земле.

\* \* \*

Стригут кусты вдоль линии трамвайной,  
Июньский ветер шарит по земле.  
А нашей дружбе экстренно-печальной  
Намного жарче было в феврале.

О, да – зима. И третий день запоя  
С тобою шутку добрую сыграл –  
Твоё лицо, доступное такое,  
Берущийся как будто интеграл,  
Наполнило сиянием округу  
До крайних улиц, видимых вдали.  
На тёплый свет к лучащемуся другу  
Вот эти рельсы самые вели...

В горячий сон обстриженные ветки  
Спадают нынче. Тащится трамвай.  
Инерция души-марионетки  
Не отпускает. Так не отпускай!  
Ты бросил пить, и каждый день с тобою –  
Одна печаль и пристальность ума.  
Твоё лицо нездешнее, другое,  
Похожее на формулу Ферма...

А небеса неисчислимо чище  
И ярче тех – заснеженных небес,  
Как будто с них вселенские глазищи  
Глядят на наш измученный процесс  
И утверждают: надо упроститься  
Под необъятной жаркою волной.  
Мы столько раз могли навек проститься,  
Да всё стоим у линии шальной.

\* \* \*

И узел не развяжется,  
И нитка не раскрутится,  
И мне сегодня кажется,  
Что ничего не сбудется.

Быть на свободе пленницей  
И не летать мне птицею,  
Быть без любви изменницей  
И без долгов должницею.

Земля моя всё вертится,  
А ветер дует с севера.  
И мне самой не верится,  
Что я кому-то верила.

\* \* \*

Располнела в полях капуста,  
Пахнет август, как кориандр.  
У меня оживают чувства –  
Вы мне нравитесь, Александр.

Слово тихое с губ спорхнуло.  
Интонация – просто ой!  
Паутинку бессилья сдуло  
Тёплой августовской струёй.

Предаваясь живому чувству,  
Можно жить и варить обед.  
Я пошла разбирать капусту –  
Нет ли гусениц на предмет.



\* \* \*

Однажды я искала хрен в тумане.  
Отец соленье делал. Вкуснота –  
Поесть груздей хрустящих на сметане.  
– Поди, добудь хренового листа, –  
Сказал, – тебе же ведомы в природе  
Съедобные растения, цветы,  
И в городе, как будто в огороде,  
Сыскать чего угодно можешь ты.  
Я помнила, что у кинотеатра  
Видала лист хреновый. В том году  
Не стала рвать, оставила «на завтра»,  
Предчувствуя грядущую нужду.  
Густой туман и осени сиянье  
Сознание захватывают в плен.  
Я стебли тереблю, веду желанье,  
А хрена нет! Куда девался хрен?

Всё исчезает в местности убогой,  
Не выказав продления примет.  
Хожу я на автобус той дорогой  
И всё смотрю: где хрен? А хрена нет.

### **Депо Автово**

У берёз старинных чёрный и тонкий прут,  
На ветвях висячих тайны былых миров.  
Побросав дела – пустой канцелярский труд,  
Я пролезла в ночь под забором в депо метро.  
Приласкавши злых, голодных охранных псов,  
Хорошо вкушать, как прыснет адреналин:  
Сторожа придут, повяжут, заткнут засов...  
Не придут, не скажут. Лунный качался блин,  
Из тоннеля чёрного близился мощный свет,  
Освещая ряд прекраснейших тех берёз,  
Сохранившихся, как – неясно, в промзоне, здесь.  
Дребезжал, сверкая, ближний и дальний рельс.  
Эпизод печальный мог бы сей вид повлечь:  
Под берёзами близ тоннеля на рельсы лечь,  
Приближаясь к тому пределу, где всё равно.  
(Здесь мы как-то видали зайца давным-давно!)

У меня был друг, похожий на белый гриб,  
Мы ловили в депошной речке смешнящих рыб.  
На другой земле, за давностью не виню,  
Столько лет уж чешет пятками авеню...  
От любви и родины тени плывут, скользя.  
Нету счастья слаще, чем лазить куда нельзя!

\* \* \*

Не заскрипит диван, как пятая струна,  
В рассветный час не вдарят волны в канапе –  
Сижу в сугробе, безмятежная, одна  
На непротоптанной туристами тропе.

Мне не ходить с тобою, Вовочка, к венцу,  
Не разгибать твои носки в гнилом ведре –  
И не хлестать милого друга по лицу,  
И не терзать друг другу мозги на заре.

Какое счастье скользнуло между тел!  
Оно рифмуется, встаёт в любой падеж.  
Для рифмы можно делать много дивных дел  
И по-над бездною шататься без одежд.

(Один поэт хотел двух девок в жаркой Гоби,  
Потом в степи, потом в сугробе на плато.  
И рифмы ради девки всюду дали обе!  
В рваньё верлибровом ему б не дал никто.)

А мне свежо, и безмятежно, и волна  
Не унесёт, и я трезва до недр костей.  
Чего уставились? Идите, братцы, на  
Картонный фаллос прыткой юности своей.

Девятый вал не захлестнёт и на дыбы  
Нас не поставит и не бросит в камыши.  
Ночных ли бабочек иль страусов люби,  
Но только, Вовочка, без рифмы не пиши.

\* \* \*

Помнишь, Вовочка... (не пытайся сказать, что нет!)  
– Ниччччего не помню, отшибло память.  
То ли дело школа. Завуча кабинет.  
Да и тот местами уходит в замять.  
Перепёлки прыгали где-то с восьми утра.  
А теперь их нет. Ну, где они, эти птички?  
И у каждой были крылья и два бедра.  
За портретом Энгельса Машка хранила спички.  
Ниччччего не помню более, чем люблю.  
Ниччччего не знаю далее, чем удобно.  
Ничего не вижу – зренье пошло к нулю.  
Никого на вкус не чувствую внутринёбно.  
Никаких ежей в песочницу не вкопал,  
И ни в чьих мозгах занозой замечен не был.  
Революцию, путч и бабью любовь проспал,  
А когда очнулся – такое же точно небо  
Теребило дни. Футбол. КВН. Уют.  
Включишь кран на кухне, – могут потечь стихи.  
Набежит бабьё, – и новые мысли льют.  
Кореша зайдут, на сладенькое легки.  
Иногда один попросит ему сонет  
Забабацать клёвый. Ты же умеешь, Вова!  
Ты же помнишь – как... Не пытайся сказать, что нет –  
Вообще не знаю даже такого слова.

\* \* \*

Сквозь невымытые стёкла в кривое окно  
Безнадёжно смотрю на огни я.  
Приезжай, Исидор, только знаю одно –  
Нам не вылечить шизофрению.  
Приезжай, мы не будем бороться ни с чем,  
Только было бы занято место.  
Не затем, чтоб оставить следы, а затем,  
Чтобы их оставлять у подъезда.  
Можно в сладком миноре съезжать под откос,  
Слушать танго, смеяться над прессой –  
Пережить, переждать полуночный психоз,  
Вжиться в серое время депрессий.  
Ты не знаешь всего и кружишь до сих пор –  
Так бездумно полжизни пропели.  
Некто тронет плечо и шепнёт: «Исидор,  
У тебя отвалился пропеллер».  
Это значит, грядёт расставанье с душой.  
Не печалься, так богу угодно.  
Расставанье с душой – это праздник большой  
По сравнению с нашим сегодня.  
Да и то – что за важная птица душа?  
Без неё доживём до капели,  
Двинем тело своё без души, не дыша,  
Под окном закопаем пропеллер.  
И не будем глушить безысходности крик  
Под прохожих нервозные ахи.  
Ничего в них ужасного нету, старик,  
Все тут роботы или маньяки.  
Поспешите разделить депрессивный минор  
На двоих, чтобы нас не скрутило  
Безнадёжно, поврозь. Жду тебя, Исидор,  
Чтоб хоть что-нибудь происходило.

\* \* \*

Ты водкой меня угощаешь, как друга,  
Коварной змеёю мой разум укушен.  
И мне никуда не сбежать от испуга,  
Что жизнь моя катится к чёрту на ужин.

Как будто корова, жующая клевер,  
Я буду довольна своим ожиданием.  
Я всё проглочу. Ты уходишь на север,  
Ты станешь далёким полярным сиянием.

Но кто мне ответит, какую больницей  
Мне жизнь обернётся с твоим возвращением.  
Я взмою и бешеной стану жар-птицей,  
Я буду палить по горячим мишеням.

Куда же мы катимся, в самом-то деле,  
Ведь главное что-то из памяти стёрто.  
И мы не любовники в тёплой постели,  
А лишь бутерброд на тарелке у чёрта.

\* \* \*

Ты яростно трахал податливых баб,  
А я поступала в то время в ЛИАП,  
Мурыжила разных дурных мужиков,  
Но вместе мы вышли из этих оков!

И каждый залезет в отдельный мешок.  
И мне хорошо, и тебе хорошо,  
И каждый холодный лежит, как кинжал,  
И думает: лишь бы комар не жужжал.

\* \* \*

Что мигаешь, глаз зелёный?  
Чей ты глаз?  
Признак грусти потаённой  
В этот час.

Может, это глаз кошачий?  
Так ведь нет,  
Кошки нет у нас, и значит  
Это бред.

Может, к нам пролез украдкой  
Домовой?  
Или что-то не в порядке  
С головой?

Э! Да тут не аллигатор  
И не гном.  
Это твой мультивибратор  
Под столом.



\* \* \*

Если хочешь долго жить  
И жене не изменять,  
Не стучи в моё окно.

\* \* \*

На приколе прикол,  
Мужиков частокол  
Вдоль обрывов и пропастей между.  
Но нельзя же стрелять,  
Ведь нельзя же опять  
Убивать так жестоко надежду!

Но ведь я не хирург,  
Не спасательный круг,  
И не доктор, что лечит всех сразу.  
Где вода так темна,  
Доставать их со дна,  
Но не быть же всю жизнь водолазом.

Вдоль великой реки  
Мужики, мужики,  
Просят ласки их души суровы.  
Бесполезно жалеть,  
Их никак не согреть,  
Быть с одним – выстрел в сердце другого.

Просыпаюсь во сне  
И швыряю в торшер  
Приготовленный загодя веник.  
И всё кажется мне,  
Будто я браконьер,  
Заглянувший в мужской заповедник.

\* \* \*

Моя порода в деда,  
Коварен Божий перст.  
По жизни шёл с приветом  
Мой дедушка Сильверст.

Лолитою под утро  
Скакал в одном носке –  
Теперь смешные сутры  
Живут в моей тоске.

Смычком владел он чисто,  
Конём ходил сплеча.  
Мой дед был шахматистом  
С призваньем скрипача.

Но что же мне при этом  
Покрыла ноги шерсть?  
С каким грешил приветом  
Мой дедушка Сильверст?

Но пред женой отменно  
Дрожал, как фигов лист.  
Жаль, бабушкины гены  
В меня не пробрались.

Всё было б в жизни густо,  
Прекрасно и светло –  
У ней мораль и бюста  
Четырнадцать кило.

Ломала бабка трости,  
Кричала: «Муж – прохвост!»  
Ростки того прохвостья  
Во мне пустились в рост.

Сильверст по хляби зыбкой  
От бюста в номера  
Сбегал и там на скрипке  
Он в шахматы играл.

Потом совою ухал  
Под мухой на крыльце,  
А я умру старухой  
Под бабочкой це-це.

С небесных усмехалищ  
Мне выпал странный фант –  
То Ваш, Сильверст Михалыч,  
Сомнительный талант.

В каком-нибудь колене  
Потомок в злой тоске  
Припомнит бабу Лену  
В гробу в одном носке!

\* \* \*

Мой взгляд застенчивый и лисий  
Читали люди, как с листа.  
Все понимали, только лысый  
Скрипел зубами, сжав уста.

Мы танцевали, пели стоя...  
Он отошёл шагов на сто...  
Безворсый сразу понял, кто я,  
Хотя сама не знала кто.

Был у меня концерт в Тбилиси:  
Аншлаг, овация, фурор.  
Я ощутила – в зале лысый,  
Зубов скрежещущих напор.

Он подошёл, кулиса сбилась,  
Проговорив (маньяк? дебил?):  
«Я б с удовольствием убил Вас,  
Но не убью!» И не убил.

Сказал и чёрной пылью взвился,  
Чего имел в виду, бог весты!  
Исчез, растаял, растворился.  
Исчез, растаял, ...но не весь.

Как «да» и «нет», как чёт и нечет,  
Двойник, мерзавец, антипод  
Скрипит, ютится, рвёт и мечет  
Внутри и рядом, над и под.

\* \* \*

Меня стрелой пронзило скверною,  
Уж лучше б выпила я Royal'a.  
Хожу, сама себе неверная,  
Люблю того, кого не стоило.  
Ни целовать, ни привораживать,  
Ни затуманить сигаретою,  
А лишь забором огораживать  
Да по ушам хлестать газетою.  
Летят бездарно понедельники,  
Опять беда моя попутчица.  
Он алкоголик и бездельник и  
Детей с ним тоже не получится.  
Я в это дело влипла по уши,  
Меня достали эти фокусы.  
Спать не могу я без него уже...  
...А ночью снятся, снятся крокусы.

\* \* \*

Hello, my dear Queen! В твоём окне  
Цветёт ли вдохновенья дивный фикус?  
Его побеги тянутся ко мне,  
Хотя у нас различный вкус и прикус.  
Ты держишь осетрину на крючке,  
На солнечных полянах пьёшь Мартини,  
А я сижу на мусорном бачке  
И тощих рыб ловлю в прудовой тине.  
My dear Queen! Немало мудрецов  
Сочли тебя умнее их и старше.  
Впитавшая творенья праотцов,  
Ты пишешь и молчишь по-патриаршьи.  
Меж тем твой бывший паж заряжен мной,  
Он весел стал и худ, как прут скамейкин.  
У нас в меню в ближайший выходной –  
Супец из тощих рыб, потом lovemaking.  
My dear Queen! Ты ходишь, как павлин,  
По коврику в каморке нашей тайной.  
Мы смотрим на тебя и молвим: блин! –  
Какой у ней размах крыла летальный!

Прощай, пиши, что нынче на крючке.  
Мне кажется, теперь, в преддверьи краха,  
Сидящему на мусорном бачке  
Поближе, чем тебе, до патриарха.

\* \* \*

Лягушек не трогай – смутятся верхи,  
И горьким окажется дождь.  
Бывают такие слова и стихи,  
Которые вряд ли найдёшь.  
Колибри такого калибра, что их  
Едва ли заметишь. Мигни –  
И нету ни крылышка. Вечен и тих  
Твой поиск, нездешни они.  
Есть вещи, которые глупо пилить,  
Медузы, которых не взять,  
Медведи, которых нельзя шевелить,  
И музы, которых нельзя.

\* \* \*

Я рычать не буду зверем,  
Буду просто жить и ясно.  
Я не буду хлопать дверью,  
Говорить, что всё напрасно.  
Буду умной, как Гораций,  
И направленной, как вектор.  
Я не буду забираться  
На высокие объекты.  
На лице следов солёных  
Пусть от слёз моих не будет.  
Пусть меня никто не тронет  
И никто пусть не осудит.  
А гадать над или-или  
Я не буду понапрасну.  
Правы те, что говорили  
Что счастливой быть опасно.  
Я считать не буду звёзды  
И искать далёкий берег,  
И любить я буду просто,  
Без потерь и без истерик.  
Не верну былых событий,  
Не поверю больше в чудо.  
Я не сделаю открытий  
И стихов писать не буду.



\* \* \*

Посреди своего человеческого века,  
Груз тяжёлый влача недоделанных дел,  
Я люблю, я люблю, я люблю человека,  
Как едва ли того мой хранитель хотел.  
Я ударилась лбом о строку патриарха,  
Описание сошлось подетально – люблю.  
Промежуток, зиявший так долго, так ярко  
Между нами и небом стремится к нулю.  
Жажда смерти взаимной откликнулась в нервах,  
Волоконца раскинулись метров на сто.  
Что я сделаю с тем человеком во-первых?  
Во-вторых? Ну, а в третьих-то...  
Господи, что?

\* \* \*

Слипается снег и становится крупным,  
Простые едва различимы снежинки.  
Мечтать о приятнейшем и недоступном  
Начну, лишь поставлю сушиться ботинки.

Друг с другом они неразлучная пара,  
Хотя иногда разбегутся в прихожей.  
А мы-то какого небесного дара  
Беспомощно ждём, человечек хороший?

Как будто угасшая вспыхнет омега,  
И то, что помыслим, само совершится.  
Там нет ничего, кроме липкого снега,  
Ботинкам уже не успеть просушиться,

Опять убегу в непогожее это  
Пространство – колючее, злое, сырое.  
До Вашего я доберусь кабинета,  
Нехитрый замочек заколкой открою.

Бессовестно глядя в отчёты сухие,  
Я сделаю запись в рабочем журнале  
Словами, в которых грохочет стихия,  
Которых бы Вы никогда не узнали,

Когда бы не хмарь, облепившая душу,  
Не с вязкой мечтою ночной поединок,  
Что всё ещё сдвинется, выйдет наружу,  
Лишь утро подсушит следы от ботинок.

\* \* \*

Всё невозможное станет возможным,  
Если возможны мы здесь на Земле.  
Мы – настоящие, мы – непреложны,  
Мы – это те, кто сияет во мгле.  
Слышишь, любимый, дрожащие звуки  
Нежной струны голубого дождя?  
Капли горячие падают в руки...

Как не присвоить, по свету бродя,  
Эту любовь – если нравится слово,  
Произнесённое тысячу крат?  
Как не ослепнуть от блеска такого?  
Рифмою «брат», мой невиданный брат,  
Я наслаждаюсь, как соком древесным.  
Дай мне себя! Я взываю и жду,  
Не потому что любить интересно,  
Не потому что курить на ходу  
Вредно, и небо задымлено нами  
(Нами же будет освящено!),  
Просто плодятся цветы семенами,  
Просто иначе – запрещено.  
Всё что из луковиц – недолговечно,  
Струны поют в обомлевшей тиши...  
Слышишь ли ты, человек сердечный,  
Зов неприкаянной вечной души?

\* \* \*

Я шла по улице в неоновых лучах.  
Лежала жизнь засохшей коркою на блюде.  
Смотрю вокруг: под мышкой, в сумках, на плечах  
Несут деревья озадаченные люди.

Я поняла, что это всё не просто так  
И цифры дней, увы, со счётчика не скинешь.  
Деревья хвойные несут, а это знак,  
Что год оскаленных клыков пошёл на финиш.

Кружится снег. Дрожат края усталых век,  
И на лице от прежних драк темнеют пятна.  
Так не заметишь, как наступит новый век,  
И так полюбишь – ненароком, невозвратно.

Не видя брода, попадёшь в пучину вод  
И станешь тенью, рыбой, ракушкой глупой.  
О чём же я? Так, значит, скоро новый год  
Обнимет нас своею кроличьею шубой.

И те из нас, кто бородаты и важны,  
Обреют бороды, на полку сложат бивни.  
И станем все мы, словно кролики, нежны,  
Хотя пока ещё, как тигры, агрессивны.

\* \* \*

Намазаться кофейной гущей,  
Нырнуть в бассейн ледяной –  
Наверно, это способ лучший  
Душе найти себя самой.

Когда блаженства ищет тело –  
И фибра каждая поёт!  
Поддай ковшей пятнадцать смело  
И в жаркий пар – а после в лёд!

Нет чуда в способе старинном –  
Душа желает, распалясь,  
Чтоб дофамин с серотонином  
Вступили в правильную связь.

\* \* \*

Глотай мою измену, как котлету,  
Я их нажарю три сковороды.  
Сама уйду бродить по белу свету  
Искать другой – лирической еды.

Душа уж очарована моментом,  
Готова к приключениям любым.  
Я заведу роман с интеллигентом  
И подружусь с поэтом голубым,

Что было бы и так уже немало  
Для сдержанной хозяйки этих строк.  
Но я ещё хочу транссексуала  
В компанию позвать на вечерок.

Трёх лесбиянок, дядьку-зоофила  
Найду-таки многообразья для.  
А если я кого-нибудь забыла,  
Он сам придёт подбрасывать угля.

Зажжём огонь и струн для песнопений  
Натянем, над задуманным смеясь.  
Во множестве событий и явлений  
Окажется загадочная связь

С собой, с голодной чокнутой душою,  
Которой про запас на много лет  
Понадобится, видимо, большое  
Количество лирических котлет!

\* \* \*

Какое всё ужасное,  
Какое всё противное,  
И я совсем несчастная,  
Как песня заунывная.

Какое небо серое!  
Какая речка грязная!  
Я ни во что не верую,  
Да и живу напрасно я.

Стоит природа хмурая,  
Как школьная уборщица,  
А быть большою дуροю  
Совсем-совсем не хочется.

Сижу под старой вишнею,  
Покуда время тянется,  
Ненужная и лишняя,  
А муж достался – пьяница.

Детишек малых дюжина –  
Куда от них избавишься?  
От завтрака до ужина  
С делами не управишься.

А где-то лето дивное,  
А я совсем несчастная.  
Какое всё противное,  
Какое всё ужасное!

\* \* \*

Ветер в лицо моё дунет,  
Тополь осыплется пухом,  
Двадцать второго июня  
Стану я старой старухой.

Буду, послушная ветру,  
Где-то брести по дорогам,  
Может, обретшая веру,  
Может, забытая Богом.

Сколько ветров ещё дунет!  
Сколько осыплется пуха!  
Двадцать второго июня  
Время листает старуха.



\* \* \*

Эта стая фиолетовых птиц  
Вылетает у тебя из-под ресниц.  
И всё больше их становится тут,  
И меня они уже узнают.

Эта длинная дорога туда  
Стала судорогой каждого дня.  
Но не суть. Не кусай себе ус,  
А потрогай на руке моей пульс.

После праздника победы над собой  
Я старательно вертела волчок  
И скрывалась от любви под водой,  
Но попалась на нехитрый крючок.

Одинокая гуляет судьба  
По обрывкам пожелтелых страниц.  
Как-нибудь я проживу без тебя,  
Но никак без фиолетовых птиц!

### ***Кинематика***

Мне показалось – частота,  
А оказалось – ускоренье!  
Как солнце, я была чиста,  
Соударя ударенья.  
Гюстав Гаспар Кориолис,  
На поворотах – КориОлис,  
Меня запутал, хитрый лис,  
Об ускорении глаголясь.  
И закрутилось варьете:  
Земля, Карелия, Онега,  
И  $d\omega$  по  $dt$ ,  
Моя любимая омега!  
Соосияние в ночи,  
Двойная милая комета,  
И эта ча- и эта чи-  
стота моя – ты где, ты где ты?..  
Нигде, нигде не подвела,  
Не изменяла, не молчала,  
Мои намеренья плела  
И ударения смягчала.  
Гюстав Гаспар Кориолис,  
Механик, лирик, добрый лис,  
Займи полнеба и листа,  
А кинематика – проста.

\* \* \*

Вот старый новый год – нелепое сплетенье  
Простых и верных слов, такой уж наш народ.  
Мне хочется писать сие стихотворенье  
При шорохе хвои, под старый новый год.

Не буду выверять слова и промежутки,  
Не стану открывать увесистый словарь.  
Сознание свои выплёскивает шутки,  
Ему не до того, кто двигал календарь.

В таинственном дыму мы праздники справляем,  
Не думая уже, откуда что взялось.  
Я просто вижу свет, и он неосязаем –  
Хранитель голубых и розовых полос.

Вот так и попадёшь в нелепое пространство,  
Где пишутся стихи без боли и труда.  
Ослабленную речь, усиленное пьянство  
Под старый новый год прости, моя звезда!

Мне грустно оттого, что Павел мне не пишет,  
Как тянутся дела, как ёрзает зима.  
Теперь, когда звездой колючей сумрак вышит,  
Я даже не хочу – я требую письма!

Затем, чтоб на привет приветом отвечалось,  
А ветреный привет – как на голову лёд.  
Затем, чтоб на Земле чего-нибудь случилось  
При шорохе хвои, под старый новый год!

\* \* \*

Когда-то я мечтала выйти из игры,  
И вот, пожалуйста, – но верится с трудом.  
Соседи плачут за стеной – они мокры.  
В моих глазах казённый дом – родильный дом.  
А за окном уже кончается зима.  
Вот-вот захочется подумать о весне.  
Весны не будет! И теперь твой дом – тюрьма.  
Квадрат окна, а в нём педальный конь в пенсне.  
Меня ты спросишь: «Отчего же конь в пенсне?  
В твоих стихах, прости, он делает-то что?»  
Тебе отвечу: «Конь в пенсне, что конь в пальто,  
Обычный конь, но в пять утра в твоём окне».  
Он означает беспокойный рваный сон,  
Пелёнок таз и непрерывную возню,  
Пипетку, вату, масло, клизменный баллон,  
Из сердца вынутую первую весну.  
И этот конь, он всё бежит за мною вслед  
И тихо шепчет, ухмыляясь на бегу:  
«Спасибо первое прождёшь десятки лет,  
Зато совсем недолго – первое агу».

### **До неба**

Я люблю тебя, я не могу подождать.  
Табуретку тяжёлую, видишь, принёс!  
Я хочу до твоих дотянуться волос,  
Ты весь день на ногах, и тебя не достать.

Повернись ко мне, я пришел поцеловать.  
Самосвалы в гараж закатил, и теперь  
Я хочу быть как ты, дай помаду слизнуть –  
Цвет красивый, как микроавтобуса дверь!

Вон оттуда жирней добавляй в волоса,  
Подари, как закончится, баночку ту.  
Ах, какую ты кисточкой мажешь глаза, –  
Ею красить бы танки и уши коту.

Я на ручки хочу, языком шевелю,  
Чтобы в ухо тебе наболтать чепуху,  
Потому что тебя я до неба люблю,  
И не вижу, чего там стоит наверху!

\* \* \*

И снова август держит грусть мою,  
Как дерево хранит свой век в коре.  
Я превращаюсь в августе в свинью  
И без одежд плескаюсь во дворе,

Вкушаю пар пахучих древних луж,  
Вдыхаю сны про шашни в лебеде.  
Но прошептал в ночи мой милый муж,  
Что это он живёт свиньёй в дожде!

Нет, я! Нет, я! А что имел в виду  
Сердечный друг, проснётся – расспрошу.  
Схожу в туман да желудей найду  
Под сонных листьев тихое шу-шу.

\* \* \*

Вело и жгло желанье раздвоиться,  
Ещё один – с тобой – построить дом,  
С единого портрета наши лица  
Чтоб улыбались правнукам потом.

Несло в бега растрёпанное лето,  
Прозрачный воздух праздником пропах.  
Украд строку знакомого поэта,  
Шептал закат одно сплошное ах!

Той ночью срочно купленная яхта  
Ещё плывёт в безумии моём...  
Неторопливо и лениво как-то  
Я возвращаюсь в свой осенний дом.

\* \* \*

Я, наверно, люблю это всё, что тебя окружает –  
Телефоны, модемы, компьютеры, хаб, GPS.  
Окромя дребедени подобной ничто не сближает,  
Еле теплится вялотекущий душевный процесс.

Но и в зимнем лесу незаметные длятся движенья,  
Организмы тончайшие дышат под снегом и льдом.  
Берегут небеса от кружения нас и крушенья,  
Наполняя обманными штучками сердце и дом.

Как-то даже тепло, и коренья у счастья трояки,  
Разрастаются внутрь, наружу и наперерез.  
Спотыкаясь опять и опять об твои железяки,  
Ощущаю умиротворенье, покой и прогресс.



\* \* \*

В универсам средь ночи непролазной  
Иду под крики пьяного двора.  
Тут гопоты бушует мир отвязный,  
И кажется – ножа иль топора  
Грядёт удар, угаснут в организме  
Процессы, рухнет тело у куста.  
Хоть я и не нужна своей отчизне,  
В кармане – список дел на три листа!  
Я утверждаю честно – мне обидно  
И горько было б нынче умереть.  
Хоть я порой почти что инвалид, но  
Могло б не раз дыхание спереть  
От моего внезапного признанья  
У человека чистой красоты...  
Ещё не все приложены старанья  
Для душ родных. Но вздрогнули кусты –  
Упал мужик пьянящий на дорогу.  
Угас, произнеся глухое: мать...  
А я домой вернулась, слава Богу,  
Чтоб резче жить, чтоб чётче понимать.

\* \* \*

Любовь последняя прошла  
И не воротится вовек.  
Я раньше женщина была,  
Теперь я просто человек.

А память сердца, – не гони, –  
Наполнит призраками дом.  
Когда рассеются они,  
Сверкнёт река на солнце льдом.

Я натяну тогда коньки  
И напишу ногами то,  
Что есть счастливые деньки,  
Когда не любитесь никто.

\* \* \*

Жизнь моя новая хочет начаться,  
В окна и двери стучась.  
Рваться, метаться, взлетать и срываться –  
И ни к чему не примчась.

Вроде бы светлая, вроде бы новая...  
Сколько их было? Судьба.  
Будет она, как всегда, бестолковая,  
Только уже без тебя.

Снова мечтаю познать одиночество,  
Всё разрушаю в пути.  
Знаю, что, если вернуться захочется, –  
Некуда будет идти.

Где-то окошко окрасится золотом –  
Заперто крепко оно.  
Сердце моё, знаю, будет расколото,  
Будет твоё – сожжено.

\* \* \*

По твоим и моим не пропавшим следам  
Я по крышам уйду, по дворам, по мостам,

Не вперёд, не назад, не забыв, не простив,  
Не запомнив слова. Позабывши мотив.

Я уйду и не выключу в комнате свет.  
Я уйду, чтоб прийти через несколько лет.